

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
3. Sensevy, G. Les discours des professeurs. Vers une pragmatique didactique / G. Sensevy [et autres] // Revue Française de pédagogie. 2002. – Vol. 141, num. 1. – P. 47–56.
4. Щербинина, Ю. В. Педагогический дискурс: мыслить – говорить – действовать / Ю. В. Щербинина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 440 с.
5. Гордеева, О. В. Проблемная учебная лекция в профессиональной речи учителя русского языка и литературы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / О. В. Гордеева ; Кузбасская гос. пед. академия. – Ярославль, 2003. – 21 с.

УДК 81-26

А. А. Парфиненко

(онлайн-преподаватель, Москва)

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

Статья посвящена актуальной проблеме художественного перевода стилистически маркированных словообразовательных вариантов с русского языка на английский в аспекте структурно-типологических различий двух языков. Рассматривается вопрос коммуникативной равноценности художественного перевода, его соотносительности с оригиналом и роли интерпретации в тексте.

Все языки, как и культуры – вариации на одни и те же темы.

Поэтому они взаимопереводимы, но никогда до конца.

И. Д. Левин

Перевод есть не более как гравюра: колорит неподражаем.

П. Буаст

В условиях взаимодействия различных языков, культур и традиций перевод выступает как глобальный феномен межкультурного коммуникативного пространства. «Перевод связывает не только пару языков – язык оригинала и язык перевода, он соединяет разные культуры, разные нации, различные эпохи исторического развития» [1, с. 902]. Общее и различное в национально-культурных парадигмах (кодах) двух языков проявляется в их языковой самобытности. А потому важно сохранить и передать при переводе языковое своеобразие оригинального текста, которое может быть заключено не только в собственно экспрессивно-стилистических особенностях исходного языка, но и в применении автором тех или иных языковых единиц с национально-культурной семантикой. Иными словами, необходимо передать «литературную колоратуру» текста, по меткому выражению В. В. Набокова, который, в свою очередь, при работе над авторским переводом текста «Лолиты» «пришел к некоторым общим заключениям по поводу взаимной непереводаемости двух изумительных языков» [2, с. 276]. Это тем более справедливо в аспекте стремления Набокова, как непревзойденного стилиста, к «созданию нестандартного языка и использованию в своих произведениях словесной игры, языковых эффектов, а также словотворчества как яркого экспрессивного приема» [3, с. 124]. В то же время творчество В. В. Набокова является интересным примером выражения билингвальной языковой личности, автора и переводчика в одном лице. В его произведениях встречается множество параллельных деривационных окказионализмов, образованных как по продуктивной модели словообразования английского языка – словосложение (напр., англ. *purple pills* – рус. *фиалкапюли*), так и с помощью субстандартной аффиксации – продуктивного способа словообразования в русском языке (напр., англ. *motherlessness* – рус. *безматеринство*, англ. *truthlet* – рус. *истинка* и др.).

Богатый аффиксальный фонд и развитая система словообразования русского языка определяет его высокий деривационный потенциал и значительные словообразовательные ресурсы, обладающие яркой стилистической окраской.

Отметим, что в англоязычной стилистической традиции акцентируется прежде всего степень формальности / неформальности, нейтральности / литературности / разговорности текста, в русском же языке стилистическая маркированность языковых средств может быть представлена в том числе некими оценочными оттенками значения (шутливый, иронический, неодобрительный, презрительный

и т. д.). Так, существует целый ряд экспрессивных или эмоционально-окрашенных аффиксов русского языка, которые придают словам особые семантико-стилистические оттенки (с мелиоративной / пейоративной оценкой, уменьшительно-ласкательные, уничижительно-пренебрежительные и т. д.). Этим обуславливается развитие широкой аффиксальной вариантности в русском языке, когда у нейтральной языковой единицы возникает стилистически маркированный аффиксальный вариант.

Стилистически маркированные аффиксальные варианты в художественном тексте могут служить источником речевой экспрессии, манифестацией определенного авторского замысла, средством передачи индивидуальности авторской речи, а следовательно, становятся способом формирования образности и выразительности текста. Задача переводчика – передать экспрессивно-эмоциональную нагрузку художественного произведения, сохранить образность текста при переводе с одного языка на другой, учитывая функциональное различие стилистических ресурсов двух языков и разность образного потенциала их словообразовательных систем. А значит, важно учитывать те особые семантико-стилистические оттенки, которые могут быть присущи стилистически маркированным аффиксальным вариантам.

Так, например, в художественных переводах на английский язык глагола *благодарствовать* с пометой «устаревшая форма» используется стилистически нейтральная лексема *to thank* ‘благодарить’, для устаревшего выражения *благодарствуй* (-*йте*) – *thank you*:

оригинал: - *Благодарствуйте, тетушка, - начала она тронутым и тихим голосом по-русски, - благодарствуйте; я не надеялась на такое снисхождение с вашей стороны; вы добры, как ангел* (Тургенев И. С. Дворянское гнездо);

перевод: *“I thank you, dear aunt,” she began in a soft voice full of emotion, speaking Russian; “I thank you; I did not hope for such condescension on your part; you are an angel of goodness.”* (Turgenev I. S. A House of Gentlefolk; пер. Constance Garnett / К. Гарнетт).

В данном случае основная коммуникативная функция оригинала передается не в полной мере. В качестве перевода выражения благодарности встречается также вариант *thank thee*, где *thee* ‘тебя, тебе’ – устаревшая, поэтическая форма *you*, а следовательно, такой перевод является функционально и стилистически адекватным:

оригинал: - *Благодарствуй* (Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат);

перевод: *I thank thee!* (Tolstoy L. Hadji Murad; пер. Louise and Aylmer Maude / Л. и А. Мод).

Для перевода этикетной речевой формулы «благодарствую» можно также предложить архаичный вариант *gramercy* (от ст.-фр. *grand merci*) в значении ‘большая благодарность’. Отметим, что формула *благодарствуй (-йте)*, в свою очередь, иногда используется переводчиками для передачи разговорной формы английского языка *thankee* ‘спасибо, благодарю’:

оригинал: *No'm–thankee. Ma'm* (Mitchell M. *Gone with the wind*);

перевод: – *He-e...*, *благодарствуйте*, *мэм* (Митчелл М. Унесенные ветром).

В русском языке источником экспрессивного словообразования выступает живая народно-разговорная стихия, результатом чего становится появление форм с уникальными аффиксами, которые вступают в варианты отношения с формами с регулярными аффиксами.

Так, в слове *дуралей* уникальный суффикс *-алей* придает значению сниженный оттенок, оттенок пренебрежительности. Как правило, для перевода используется англ. *fool* ‘дурак, глупец’, которое относится к неофициальному стилю, может иметь разговорную окраску, а значит, является стилистически адекватным вариантом. С целью передать неповторимый художественный язык Ф. М. Достоевского Констанс Гарнетт, известная английская переводчица русской классической литературы, для перевода данной лексемы использовала слово *buffoon* в значении «человека, который часто делает глупые вещи» [4], маркированное пометами «устаревшая, неодобрительная форма»:

оригинал: *Этот клоп, невежда, дуралей, не понимающий ничего в России!* – злобно вскричал Шатов (Достоевский Ф. М. *Бесы*);

перевод: “*He’s a bug, an ignoramus, a buffoon, who understands nothing in Russia!*” cried Shatov spitefully (Dostoevsky F. M. *The possessed*; пер. Constance Garnett / К. Гарнетт).

При переводе произведения Б. Акунина «Пиковый валет» для передачи лексемы *скупердяй* с уникальным суффиксом *-ердяй*, придающим сниженный, фамильярно-просторечный семантический оттенок, переводчиком была использована форма *niggardly* ‘скарденый, скупой, прижимистый’:

оригинал: *От оборванца несло сивушным перегаром, а взгляд, устремленный в обход Момуса, на скупердяя-дарителя, был полон жгучей, лютой ненависти* (Акунин Б. *Пиковый валет*);

перевод: *The ragamuffin reeked of stale, cheap alcohol, and his gaze, directed past Momos at the niggardly donor, was filled with a fierce, burning hatred* (Akunin B. *The Jack of Spades*; пер. Andrew Bromfield / Э. Бромфилд).

Слово *niggardly* часто воспринимается как оскорбительное в связи с визуальной и фонетической схожестью со словом *nigger* [5]. Очевидно, британский переводчик Эндрю Бромфилд выбрал именно эту лексему для перевода с целью передачи ее семантико-стилистической маркированности, а учитывая второе ее значение – ‘скудный, жалкий’, также для придания словосочетанию *a niggardly donor* дополнительной коннотации.

Слово *скупердяй* используется в тексте перевода произведения К. Сташеффа «Чародей поневоле» для передачи английской лексемы *curmudgeon*, архаичной в значении ‘скупец, скряга’:

оригинал: *The landlord scuttled away with his hands clapped over his ears, and Rod sat down to sip at the wine and wonder what a curmudgeon was* (Stasheff Ch. The Warlock in Spite of Himself);

перевод: *Хозяин метнулся прочь, прижимая руки к ушам, а Род сел и принялся потягивать вино, размышляя о том, какой скупердяй этот трактирщик* (Сташефф К. Чародей поневоле; пер. В. М. Федоров).

Лексема *curmudgeon* является стилистически маркированной, может рассматриваться как разговорная форма с оттенком неодобрительности, а потому использование словоформы *скупердяй* в качестве перевода является полностью обоснованным.

Использование аффиксальных вариантов русского языка при переводе стилистически маркированных единиц английского языка обуславливается намерением переводчика придать большую выразительность или усилить образность исходного текста. Однако важно при переводе сохранить содержательное тождество художественного произведения. Так, например, в переводе текста повести Джона Стейнбека «О мышах и людях» В. А. Хинкис использовал при передаче лексемы *paw* ‘лапа’ разговорную словоформу *ручища* с увеличительным суффиксом *-ищ(a)*:

оригинал: *Lennie dabbled his big paw in the water and wiggled his fingers so the water arose in little splashes* (Стейнбек Дж. О мышах и людях);

перевод: *Ленни шлепнул по воде огромной ручищей и пошевелил пальцами, так что вода пошла мелкой рябью* (Steinbeck J. Of Mice and Men; пер. В. Хинкис).

Слово *ручища* является средством передачи разговорного стиля повествования, однако в данном случае теряется художественный замысел автора передать образ героя, всем своим видом и повадками напоминавшего медведя.

Таким образом, в словообразовательной вариантности языковых форм проявляется творческий потенциал языка, языковая креативность, в том числе в индивидуально-авторском преломлении. Наиболее функционально адекватным способом перевода таких словообразовательных вариантов является прием их замены соответствующими лексико-семантическими синонимами в языке перевода с учетом их стилистической маркированности.

Безусловно, при переводе с одного языка на другой возможны некоторые смысловые потери, обусловленные социокультурными лакунами, структурно-типологическими и функционально-стилистическими особенностями двух языков. Задача переводчика – передать оригинальный материал в соответствии с его общей функционально-коммуникативной направленностью, наиболее полно и точно отобразить в переводе стилистический эффект иноязычного текста оригинала на всех языковых уровнях. Именно в стилистическом аспекте художественного перевода проявляется как творческая индивидуальность переводчика, так и его профессиональное мастерство.

Список использованной литературы

1. Проворотова, К. А. Текст и культура: переводческий аспект / К. А. Проворотова // Молодой ученый. – 2016. – № 1 (105). – С. 902-904. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/105/24934>. – Дата доступа: 01.08.2022.
2. Набоков, В. В. *Лолита* / В. В. Набоков; пер. с англ. автора. – М.: Прометей, 1990. – 284 с.
3. Напцок, М. Р. Словообразовательный потенциал художественного дискурса (на материале прозы В. Набокова) / М. Р. Напцок // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований; сб. науч. тр. / Рос. гос. проф. ун-т. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2010. – С. 124–136.
4. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary>. – Date of access: 02.08.2022.
5. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.merriamwebster.com/dictionary>. – Date of access: 02.08.2022.
6. ABBYY Lingvo Live. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/ru-en>. – Date of access: 01.08.2022.

7. Стейнбек, Дж. О мышах и людях / Steinbeck, J. Of Mice and Men; пер. В. Хинкис. Издание на русском языке. – AST Publishers, 2016. – Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=343&p=1>. – Дата доступа: 02.08.2022.

УДК 81'373.45

С. А. Приходько

(Новозыбковский краеведческий музей, Новозыбков)

**АНГЛИЙСКОЕ ВКРАПЛЕНИЕ И ПРЯМАЯ РЕЧЬ
КАК СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМПОЗИЦИИ
ПОЛЕМИЧЕСКОЙ МОНОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»
(К 100-ЛЕТИЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА
О ФОРМИРОВАНИИ СССР)**

Целью настоящей статьи является исследование функционально-семантических особенностей английского вкрапления, манифестированного в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Автор проводит анализ с учётом полемической направленности ленинского дискурса начала XX в. и предшествующих публикаций по смежной тематике. Полемический дискурс В. И. Ленина, как и другие варианты дореволюционной русской словесности, находится под влиянием противоречий между идеализмом и материализмом как ведущими философскими направлениями в Российской империи. Интенцией ленинского словотворчества представляется увеличение количества сторонников материалистического подхода.

На основе примеров автор выявляет функции, выполняемые вкраплениями, и обозначает релевантные полемические приёмы и средства. Также раскрыт речевоздействующий потенциал конструкций, содержащих прямую речь и англоязычные вкрапления, и уточнены перспективы продолжения научных изысканий.

Понятие «вкрапление» было введено в советское языкознание в середине XX в. [1, с. 60]. Современные лингвисты разрабатывают вопросы вкраплений, репрезентированных в русскоязычных текстах [2; 3]. Также в первом и во втором десятилетиях XXI столетия вышли в свет филологические исследования, посвящённые англоязычным вкраплениям [4] и литературному наследию советских лидеров [5].